

смерти каждого человека, и демонстрация этой идеи через воскрешение конкретной личности в прежней земной форме *ничего не прибавляет к уже имеющейся у нас вере*. Это "просто" ее подтверждение. А вот откровение о тех формах нашего существования, которые будут дарованы нам после смерти – это действительно должно представлять как подлинное чудо, как ответ на самую жгучую и таинственную проблему, волнующую каждого человека и испытывающую его веру.

Здесь мы вновь должны констатировать, что мировоззрение Достоевского и та вера, к которой он призывает людей и которую, видимо, обрел сам, ничего общего не имеет с каноническим, церковным христианством. Ведь согласно последнему вся суть Откровения, принесенная Христом, заключается в рассказе о Царствии Небесном, о грядущем райском, абсолютно совершенном состоянии человека. Можно согласиться с тем, что даже самое отдаленное и символическое возвешение этого абсолютного бытия в нашем несовершенном мире будет выглядеть как чудо, как нарушение всех законов земного мира. Но невозможно понять, почему это может повлиять на свободный характер нашей веры. В Евангелии Христос постоянно говорит о Царствии Небесном, возвещает его и обещает людям грядущее вхождение в него. Знание той перспективы, которая ждет человека в итоге сознательного и свободного выбора своего пути в жизни, вовсе не противоречит свободе этого выбора, скорее, это знание есть основа свободного выбора, без него этот выбор был бы *слепым*, а не свободным.

Возникающее здесь противоречие разрешается, если мы до конца поймем, как Достоевский и его герои понимают бессмертие. После смерти человек обретает не вечное, абсолютное бытие, а попадает в иной мир, который может быть как более совершенным, так и менее совершенным, чем земной, но самое главное, что он аналогичен земному; разрыв бытия, осуществляемый смертью, не столь радикален, как это мыслится в канонической христианской концепции, где смерть – это абсолютный предел земного существования, за которым наступает то, что уже никак невозможно сравнить с земной жизнью. Согласно Достоевскому, наоборот, посмертное бытие можно понять только в свете земной жизни и в связи с ней. Особенно наглядно эта идея выступает в рассказе "Сон смешного человека", где герой после смерти попадает в общество людей, которые, несмотря на свое совершенство, очень похожи на нас, поскольку они все-таки не абсолютно совершенны и, самое главное, смертны. Бессмертие человека здесь выступает не как окончательное перемещение в некое застывшее и неизменное бытие, а как нескончаемое "странствие" из одного мира в другой; и, видимо, этому странствию не будет конца, поскольку, как мы уже говорили, в мире Достоевского абсолютное совершенство, идеал – недостижимы. Именно поэтому "Бога нет"; но одновременно "Бог необходим" – в смысле присутствия божественного, абсолютного измерения в самом человеке. Раскрытие этого абсолютного измерения и составляет суть человеческой жизни – *во всех доступных ему мирах*.

Теперь мы, наконец, подходим к раскрытию смысла тезиса о свободе человека и его веры, ради которого была написана поэма Ивана Карамазова и который определяет противостояние Иисуса Христа и Великого Инквизитора. Было бы слишком просто понимать эту свободу как решение *о принятии* веры или *отказе* от нее, каким бы ни было содержание этой веры (образ Христа, идея бессмертия, представление о райском бытии и т.п.). Это есть всего лишь *свобода совести*, о чем также упоминается в поэме ("Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, – говорит Инквизитор, – как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться" (14, 231)), но проблема обретения этой свободы не так принципиальна, как та главная проблема, которой посвящена поэма. Здесь речь идет о другом – о свободе как *самоопределении* человека, причем это самоопределение понимается в самом радикальном смысле – прежде всего как желание и способность сделать себя более совершенным в земной жизни, но также (в качестве непосредственного следствия первого) и как способность предопределить себя к более совершенному бытию *после смерти*. Именно такую свободу человека – не этическую, как свободу *выбора*, а онтологическую, как свободу *бытия* – провозглашает Иисус Христос Достоевского. И такая свобода не